

Интеллигент в провинции

Кто не зачитывался в детстве романами Жюль Верна? Кому не знаком чудаковатый ученый Жак Паганель, чьи обширные знания столь же невероятны, как и его рассеянность? Неутомимый путешественник, естествоиспытатель, бессребреник, человек, для которого нет в жизни ничего важнее науки — этот персонаж встречается едва ли не в каждом романе французского фантаста. Но Жюль Верн не выдумывал своих героев, он писал их с натуры.

В XIX в. в арсенале ученого не было еще компьютеров и той совершенной техники, которая окружает его сегодня. Служение науки требовало огромного труда, целеустремленности, самоотверженности и аскетизма, но именно такие нелепые чудаки, как Паганель, способны были совершить выдающиеся открытия. Наука и ничего кроме науки, бытовой стороны жизни для ученого просто не существовало. Конечно, не всем досталась всемирная слава, многие имена остались лишь в анналах провинциальной истории. К их числу можно отнести и одного из первых уральских историков Наркиза Константиновича Чупина, и скромного провизора Павла Густавовича Гельма.

Несмотря на то, что Чупин и Гельм работали в разных областях знания, у них было много общего: оба сочетали занятия наукой со службой в горном ведомстве, оба посвятили значительную часть жизни обобщающим трудам по истории или природе края. Как Чупин, так и Гельм были учеными, преданными науке до самоотвержения.

О вкладе Наркиза Константиновича Чупина в изучение Урала написаны книги и диссертации. значительно меньше известно о характере этого человека. Он не просвечивает сквозь строки его серьезных статей, не прочитывается на официальных фотографических портретах, и только краткие воспоминания и впечатления современников дают представление о «живом Чупине».

Ближе всех знал Наркиза Константиновича его двоюродный племянник Орест, в середине 1850-х он жил у Чупина в Екатеринбурге: «Внимания обыденным вещам мой сожитель не уделял почти никакого. В нашей квартире кроме литературного (он же чайный и обеденный) не было свободного стола, на

котором можно было бы разложиться с письменными принадлежностями или поставить закуску для гостей — везде горы книг и бумаг, иногда под толстым покровом пыли, но этим Н. К. не очень стеснялся: за нижние концы передних ножек переворачивал стол и он освобождался от своей ноши.

И хозяин, и гости постоянно курили, но пепельниц нигде не было видно, а валялись вместо них на столах и на окнах медные пятаки и трехкопеечники с возвышавшимися на них грудями пепла и с сигаретными окурками, входившими в состав коллекции, тут же где-нибудь подле валявшихся предметов самого разнообразного значения: недоеденной булочки, иссохшего лимона, друзы крупных кристаллов или редкого сочетания Березовского золота с свинцовым блеском. Хаос был порядочный, так что в горах книг и бумаг затеривалась иногда какая-нибудь необходимая вещь; например, шпага или другой мундирный атрибут»¹.

Круг общения Наркиза Константиновича составляли не одни только книги, случались и шумные компании, и выпивка: «К нему не раз целыми толпами приходили жившие в то время в Екатеринбурге для обучения и приема ополченцев гвардейские офицеры — народ блестящий, молодой, красивый и ловкий, но шумный, разбитной и мало серьезный. Я заметил, что к ним он относился как-то иначе, чем к своим невоенным посетителям, больше молчал, держался в стороне, молча улыбался, когда они поднимали шум, бегогну и борьбу.

Бывали и более продолжительные периодические собрания, по субботам; это были литературные вечера, на которые приходили также обыкновенные посетители его; которые были и в простые дни, но все вместе. Все это были люди хотя, может, и разных взглядов, как разных же характеров и положений, но имевшие то общее, что не сторонились от науки и не находили случайной ту область, которая охватывает интересы человеческого ума и вопросы нашего общежития. Садись за раскрытый ломберный стол, потом кто-нибудь брал книгу, разбирали прочитанное, долго и горячо спорили. Финалом таких вечеров служила обыкновенно непривлекательная закуска с водкой, но кутежей не было»².

Чупин был хорошим преподавателем, так как не только блестяще знал свой предмет, но искренне любил его: «Слушать его любили, так как рассказывал он всегда с увлечением и даже жестами

помогал себе, чтобы сделать предмет рассказа более понятным. Не многим нашим преподавателям шло в такой в такой степени выражение: «баско баешь» (хорошо говоришь) — «бай ишшо» (говори еще). Одним словом из-за сухих, формальных отношений начальника и подчиненных сквозил фон других, нравственных связей, установившихся только между гуманным и просвещенным воспитателем и воспитываемыми им»³.

С годами квартира Наркиза Константиновича все больше приобретала черты монашеской кельи. Хозяин изнурял себя непосильным одному человеку трудом, слеп, терял здоровье и выглядел много старше своих лет: «Нашел я его уже совершенным стариком, но к науке не мало не охладевшим и таким же сильным собеседником, как и прежде. Годы, сидячая жизнь и затворничество взяли свое, — писал Орест Чупин о встречах с дядей в 1880-х годах. Не нравилось ему в новой квартире темнота ее и низкие окна, позволяющие видеть уличное движение и слышать городской шум.

Порядка в новой квартире Наркиза Константиновича было еще меньше, чем в прежней. Спал по утрам он по-прежнему долго, но и ложился, по его словам, уже тогда, когда можно было читать без огня. Одет он был в мое посещение в старенький, аккуратно подпоясанный халат, волосы были гладко причесаны, борода подстрижена — уделял еще, следовательно, по временам внимание своей наружности.

Меня особенно поразила его сильно изменившаяся походка, напоминавшая 80-летнего старика, а не 58-летнего человека; жаловался он на недостаток зубов, но более всего на слабость зрения, порче которого он сам не мало способствовал, одновременно употребляя три очка: одни днем, другие вечером и третьи при рассматривании географических и топографических карт»⁴.

Схожие впечатления о Чупине и у другого мемуариста, его приятеля по университету Е. Н. Короткова: «По истечении каждого университетского года товарищи общими усилиями вытаскивали Наркиза Константиновича на экзамены, которые он без подготовки сдавал совершенно свободно. Изучение языков давалось ему очень легко и большинство из них он изучал по Евангелию. Смерть застала его на изучении китайского языка. Н. К. говорил только на одном немецком, но читал и писал на очень многих. Приезжавшие к нему за справками иностранцы,

не обладавшие знанием немецкого, вели переговоры только с помощью письма. Ясности ответов Н. К. помогало его удивительная способность передавать рисунками всякую нужную деталь в разговоре. Рисовал он быстро и прекрасно. Благодаря феноменальной книжной памяти и массе прочитанной литературы об Урале, в голове его составила огромная живая справочная книга»⁵.

Старая квартира Чупина сама по себе была достопримечательностью Екатеринбурга: «Повсюду лежали кучи книг — на столах, стульях, под ними, у стен и в углах, некоторые с закладками, загнутыми углами или раскрытые. Этот кажущийся посетителям хаос, в глазах хозяина был порядком и весьма большим. Все это хотя и было покрыто пылью, но Наркиз Константинович не позволял никому перекладывать его книги в кучах, даже своему единственному лакею Андрею.

Кроме этого, в той же старой квартире косяки окон и дверей и даже самые полотна дверей были исписаны очень краткими пометками: цифрами, датами, урочищами, названиями и проч., и все это он прекрасно знал, где и все записывается. Эти косяки и двери замещали ему вполне массу памятных книжек и для сохранения этих пометок он не позволял их красить.

В этой обстановке он и составлял свой Географический словарь, не прибегая к составлению черновиков, и имея при себе переписчика, диктовал ему на бело, беря сведения главным образом из памяти и только для каких-либо подробностей заглядывал в книгу из какой-либо кучи или на косяк, и эти справки давал так быстро, что нисколько не задерживал переписчика»⁶.

Люди, близко знавшие Чупина, весьма трезво оценивали значение его деятельности, отдавая должное ученому, и в то же время не вознося его на пьедестал: «В списке крупных талантов, а тем более великих людей он фигурировать не может, — писал Орест Чупин, — но заслуги его, как человека, прорубившего своего рода окно в ту непроглядную глушь Урала, которая зовется историей последнего, не могут не быть признаны. Провинция не часто продвигает знакоков своего отечества и потому Екатеринбург в праве гордиться им и вспоминать его жизнь».

Для мнои их людей Наркиз Константинович Чупин был дорог не столько содержанием научных исследованием, сколько тем нравственным уроком, который он преподал своей жизнью:

«Среди почти поголовно всех пожирающих жажды наживы, он остался бессребреником, навстречу к личному благу, состоянию и комфорту и даже к самым обыкновенным удобствам человеческой жизни он не делал ни шагу, довольствуясь тем, что судьба послала. Один полезный труд считал он достойным человеческого существования и беззаветно отдавался ему»⁷. Возможно, это главный вывод, который и мы, глядя из XXI в., можем для себя сделать.

Современник Чупина Павел Густавович Гельм прожил не слишком долгую (48 лет), и совсем не счастливую жизнь. Два десятилетия он служил аптекарем в месте, хуже которого не придумаешь — Богословские заводы на Северном Урале. Известно выражение: «Дальше Колымы не сошлют», для горнозаводского Урала середине XIX столетия Богословские заводы и были такой Колымой. Но больнее всего ему доставалось не от суровой природы, а от равнодушия и ограниченности людей.

Ничего в жизни он не любил больше ботаники, химии и зоологии, «все свое свободное время, — как вспоминала супруга Гельма, — он посвящал летом на экскурсии, зимой на чтение по органическим предметам»⁸. Итог многолетних трудов — полный гербарий флоры Богословского округа, минералогическая коллекция, обширная библиотека, несколько публикаций в журналах, нищета и одиночество. «Не находя себе в отдаленном крае людей, с которыми бы он мог поговорить о своей специальности и вообще о своих любимых предметах, он вел довольно уединенную жизнь. В обществе он часто встречал вместо сочувствия насмешку, «к чему, дескать, человек роется в земле, собирая никому не нужную дрянь». По характеру своему, мягкому, сдержанному, он приходился многим по сердцу, но и тут, никогда не играя в карты, не любя попоек, большинство в обществе считали его за скучного собеседника»⁹. Возможно, только пример отца был для Гельма слабым утешением.

Стать аптекарем Павлу Густавовичу было предначертано судьбой. Его отец, сын лютеранского пастора Густав Гельм, приехал в Россию из Германии в 1806 г., поступив на службу аптекарем при Императорском посольстве в Китае. До Китая молодой человек так и не доехал, зато составил описание минеральных вод в районе Байкала и получил место аптекаря при Московском университете. В дальнейшем карьера провизора и ученого развивалась весьма успешно. Он изучал химию,

фармакологию, минералогию, стал членом различных научных обществ, путешествовал по стране, публиковался. «За ученые труды» ему было пожаловано дворянство и разрешено дать детям образование за казенный счет. С 1820 г. Густав Гельм жил в Екатеринбурге и работал аптекарем при Екатеринбургских заводах.

Не удивительно, что старший сын Гельма посвятил себя профессии отца. Павел закончил семинарию и университет в Петербурге, практическими навыками овладел в Екатеринбургской аптеке, сдал в Казанском университете экзамен на звание провизора и был направлен служить на казенные северные заводы. Здесь ему в полной мере пришлось вкусить тяготы жизни. Государственные аптеки финансировались недостаточно, а оставить службу Павел Густавович не мог, так как учился за счет казны. Он вел «самую скромную жизнь, терпя крайнюю нужду». Даже грязную работу в аптеке приходилось делать самому, так как молодые ученики долго не задерживались, а старики, «упобящие пить по целым неделям», пользы не приносили.

Двадцать пять лет Гельм обязан был служить на казенных заводах. Двадцать пять лучших лет жизни он провел в тяжелом климате в окружении людей, которые его совершенно не понимали и не ценили. В одиночку он готовил лекарства и успевал найти время для занятий наукой. Мы без труда представим себе снисходительные улыбки на лицах сослуживцев, когда они встречались с собирателем гербария. Но именно этот чудак был в состоянии избавить от боли, вылечить болезнь, облегчить страдания. Типичная судьба интеллигентного человека в глухой российской провинции — не счастливая и в то же время благородная.

ГАСО Ф 93 Оп 1 Д 64 Л 5

² Там же Л 4

³ Там же Л 10

⁴ Там же Л 11 17

Там же Л 23

⁶ Там же Л 25 26

Там же Л 17

⁸ ГАСО Ф 129 Оп 1 Д 56 Л 158-161

Там же